

Беляева Виктория. Историк, прозаик, поэт.

Публиковалась в журналах и альманахах: «Москва», «Четверговая соль», «Ротонда», «Южная Звезда», «Пашня», «Танкоград», «Роман-газета», «Кольчугинская осень» и др.

Лауреат литературной премии им. А.И. Левитова 2023 года.

Проживает в г. Ростов-на-Дону.

Виктория Беляева
г. Ростов-на-Дону

Зимние яблоки

Старику Макарову накануне Нового года не спалось. Всю ночь ворочался, два раза курить поднимался. Ведь обещал Марьянушке, бросить.

Да уж теперь-то к чему? Вдвоём куковать с котом Трошкой остался.

Завела Марьянка лоботряса усатого, спасла от жизни бездомной, а сейчас вот Макарову заботы о Трошке передались. Так и живут, вспоминая хозяйку.

Куда не глянь – везде следы Марьянки. Вот, взять салфетку ажурную, что лежит, трюмо украшает – её рук дело. Так связала, будто души кусочек вплела. Коснёшься, греет ладонь кружево.

Или цветы на подоконнике стоят, как рисованные – герань да огонек. Марьянка высадила их в позапрошлом году. Сказала: «Вдвоём жить, к свету тянуться – веселее будет!».

Так и вышло. Теперь без предупреждения, когда им вздумается, распускаются, сердце радуют. Герань отцветёт, тут ей в поддержку огонечек выскочит.

Только вот Трошка, хитрая морда, всё норовит листом цветочным полакомится. От того внизу несколько листочков обгрызенных. Надо бы их убрать, чтобы картину не портили.

Макаров сорвал пожелтевшие листья, положил в блюдце, добродушно погрозил коту пальцем: «Ну и олух Царя Небесного. Тебе своей китикетины мало что ли, красоту портишь?».

Кот потянулся, Макаров тут же одумался, махнул рукой. Марьяна, конечно, ворчать бы не стала. В самом деле, чего тут возмущаться – лопает зелень усатый, значит не просто охота, необходимость самая что ни на есть серьёзная, кошачья имеется. Витамины нужные выискивает, носом водит.

Трошка тоже, вслед за Макаровым, блуждал вместо сна. То на подоконник вскочит, выглянет на улицу, то взвояет протяжно, то за Макаровым на балкон выскочит. Так по кругу и вертелся юлой, пока хозяин не выдержал, забасил:

- Ну, чего ты, старый хвост, воздух сотрясаешь. Спал бы! Завтра кто даст? До утра народ салютовать станет и поздравления шальными голосами выкрикивать. Оно дело такое, Новый год – шуметь положено по закону вселенскому. Трошка, куда на балкон выскочил? Нет от тебя спасу!

В ответ кот чихнул и тут же зевнул, но с места не сдвинулся, только покосился в сторону комнаты. Макаров затушил половину очередной сигареты, вложил в пачку, втянул прозрачный воздух ночной, морозной магии. Глянул на небо. Звёзды, чувствуя скорое приближение рассвета, светили тухнувшим серебром. Макаров взял лениво трущегося о ноги Трошку на руки, прижал к груди, подул на холодные лапы:

- Ну, ладно я, дурень старый, морожусь, ты зачем со мной? Марьянушка не одобрила бы такие свистопляски. Неужто заболеть нас угораздит под праздники? Не годится. Ну-ка, давай хоть бушлатец накинем. Так-то теплее, верно, Троша? Вот и замурлыкал, пригрелся, значит. Теплее нам вместе. А морозец знатный подтянулся. Снег поздними яблоками пахнет. Ну, точно, как на нашу с Марьянкой свадьбу. Да, братец, пролетело время, а всё, точно вчера было, в памяти держится. Надо ж такое отчебучить – жениться 31 декабря?! А всё почему, знаешь, Трошка? Других дней не имелось свободных. То я в рейсе, то Марьянка дежурит на коммутаторе. Да, к тому же ещё один повод был. Важный, между прочим, повод. Ну и плутовка, память. Не забыл даже, как коня соседского кликали – Сивчиком. Его в телегу сосед запряг и нас в сельсовет расписываться погнал. Еле уговорились в предпраздничной суете выдернуть телегу их хозяйства.

Марьяна Сивчика яблокам кормила, шутила, мол, чтобы масть не портилась, как был конем в яблоках, так и останется с таким подкормом. И пахло от Марьяши яблоками и снегом. Всю дорогу хохотала, помнишь смех её, Троша? Звонкий такой, как колокольчик на дуге у Сивчика. Макаров медленно выдохнул облако пара, растер морщинистую щеку:

- Да шут бы его побрал эту бессонницу, раскис дед совсем. Эх, Марьянушка поспешила в небесные дали раньше срока. Сколько там натикало? Ну, точно, третий час. А, стало быть, сегодня уже и свадьба наша золотая, и твой любимый Новый год. Вот и огонёк как зацвел, распушился. Полил его вместе с геранью, как учила, не забыл.

Макаров замолчал, прижал крепче задремавшего под бушлатом кота, прищурился:

- Ты только погляди, чудо какое, Трошка. Луна розовым цветом налилась и звезда, ишь ты, подмигивает. Не иначе, Марьянка нам привет посылает. Гори, звёздочка моя.

Трошка снова чихнул спросонья.

Макаров улыбнулся:

- Правду говорю, ага. Пойдем в квартиру греться, совсем ты озяб, пенсионер усатый. Ну-ка, ныряй под пуховое. Хорошо тебе? Ну и спи. Нам ведь надо не забыть Любашу поздравить с наступающим. До обеда справимся же? Да справимся, конечно, вон у нас чудо техники какое завелось. Смартфон. Научила Любаша, внученька, теперь звони – не хочю. Как по телевизору – ей меня видать, мне её, ну, точно вместе. Почти. Весь декабрь Люба уговаривала: “Приезжай, дедовский, ко мне на праздники. Зажжем с тобой огни большого города. Родители в экспедиции, а мы танцевать под ёлкой станем! Я ещё гостей позову с института. Они ребята классные. И ты в люди выйдешь, а то одичал совсем, дедовский!”

Макаров хмыкнул. Трошка приоткрыл один глаз, глянул на старика. Тот добавил тише: «Ну, чего всполошился, прохвост? Видишь же, не поехал я. На кого тебя оставляю, Троша? Да и Марьянку навестить не смог бы в предновогодье. А так, дал Бог здоровья и погоды, сходил вчера, поздравил. Ёлочка крошечная, Трошка, что в прошлом году на могилке высадил принялась, распушилась. Так-то. А Люба пусть уж сама с ребятами. Ну, где это видано, чтобы старик сидел столбом, праздник молодёжи портил? Мы уж лучше дома, Троша, вместе, по-свойски, справимся. Оливье сварганим, как Марьяна любила. С яблочком. Концерт, а лучше ещё, проигрыватель с Герман и Утесовым включим. Правильно мыслю? А теперь давай, на боковую!».

Макаров осторожно лёг на широкую кровать. Трошка тихонько перебрался в ноги, свернулся калачиков, засопел.

Старик аккуратно, чтобы не потревожить кота, повернулся на бок, накинул одеяло, высвободил руку, положил её на соседнюю, пустую подушку, кончиками пальцев тронул её. Сглотнул. Уставился в темную пустоту.

Постепенно комната поплыла, расступилась, наполнилась светом и снегом. Повеяло морозом и яблоками. Яркое солнце заиграло на запорошенной дороге.

Макаров тряхнул головой. Что за чудеса? Не успел опомниться, как к нему на встречу бежит Марьянка. На голове платок вязаный, ажурный, шубейка цигейковая на распашку. Знать, у матери, всё ж таки выпросила. А, хороша как, раздумянулась от морозца! Вот и глаза-васильки смеются:

- Ты чего такой смурной, Коля-Николай, или жениться на мне передумал? Ну, признавайся, миленький! Да погоди обниматься. Коленька, успеется. Вон и соседи во все глаза глядят, неудобно счастьем на виду светить. Лучше слушай, чего тебе скажу, миленький. Узнаю прищур твой, Николаша. Знать интересно? Слушай же – у нас ведь скоро девочка родится. Ну, чего заистуканился, Коля. Рад? Говори, что рад!

Макаров опомнился, тряхнул радостно головой, уронил мохнатую шапку. Подхватил Марьянку:

- Я передумал? Да ни за какие коврижки. И рад, и сердце в пятки от счастья прыгнуло, а потом до горла поднялось и стучит. Слышь, Марьяна – тук, тук, тук. Бахает просто. Да, где этот хрыч старый, Пахомыч с Сивчиком? В сельсовет гнать надо, там ждать не станут. Двери на замок и до Нового года ни души, хоть сноси. Я вот только прикумекать одно не могу, Марьянка, как так – сына ждём ведь, а ты говоришь – девочка будет?

Марьяна уткнулась в новенький бушлат Макарова, шепнула:

- А и правда, чего я спешу, миленький? Кто родится, тот не спросит. Придёт вовремя чудо. А в сельсовет успеем, Коля, ещё и ждать придётся. Последний день в году, не одни мы женимся. Я вот, яблок захватила зимних на дорожку. Сладость какая. Ну-ка, попробуй!

Макаров наклонился, прямо из рук Марьянки откусил ароматное яблоко, поцеловал её в прохладную щеку.

Она захохотала, откинула голову, платок спал на плечи, освободив от теплого плена каштановые кудри, пахнущие свежестью.

Макаров залюбовался, засмеялся в ответ, услышал, как смех превратился в длинный, протяжный звук. Чем острее и ближе был этот звук, тем дальше становились Марьянка, снежный день и яблочный аромат.

С большим трудом старик разомкнул глаза, вернулся в реальность. Сквозь зашторенные окна проглядывал новый день. На комод сидел Троша и равнодушно глядел в сторону двери, за которой кто-то требовательно звонил: «Дзынь-дзыыынь!».

Макаров вздохнул, кинул взгляд на висевшую на против кровати фотографию красивой, молодой женщины. Перевёл взгляд на пол. Нехотя откинул одеяло, крикнул в стороны двери:

- Да иду, иду уже, хорош симафорить.

Отыскал босыми ногами, запрятавшиеся под кровать тапки. Подошел, глянул в глазок. Засиял, распахнул дверь, сбивчиво запричитал:

- Люба, Господи Боже мой. А я толком... Дай обнять! Холодная, красивая! Внушенька, ну, надо же, приехала! Да не одна. Вот тебе раз, сюрприз какой. Ну, скорее заходи вместе с сопровождающим. Я вовсе не готов, спросонья старый тетерев. Думал, звякну тебе сегодня, успею до суеты поздравить. Хорошо, что приехала! Ничего-ничего, сейчас справимся с Трошкой. Да и все вместе организуем пиршество, как полагается. Мы собирались Оливье по бабушкиному рецепту стряпать. Да и холодец успею сварганить. Ну, заходи, хозяйничай.

В квартиру Макарова легко вбежала озорная, синеглазая брюнетка, скинув на тумбочку куртку, а следом за ней вошел серьёзный, высокий парень с укутанной в сетку сосной и рюкзаком. Люба подмигнула Макарову и улыбнулась спутнику:

- А мы сюрпризом, дедовский. Сели вчера на поезд и к тебе. Так захотелось Новый Год встречать вместе, ну, как в детстве, помнишь? Да, знакомьтесь – это самый лучший в мире дедовский – Макаров Николай Олегович, а это – Андрей Корнев. Мой муж, между прочим, со вчерашнего дня. Ну, решили не путать вашу с бабушкой свадьбу. Вчера наша, сегодня ваша. Золотая же так? Прибавилось семейных праздников. Так что я теперь – Любовь Корнева.

Олег освободил от перчатки руку, пожал её остолбеневшему Макарову. Тот опомнился, ответил крепким, совсем не стариковским рукопожатием:

- Поздравляю, внуки мои. Вот ведь внезапное счастье на деда свалилось. Ну дак, а чего стоим, надо стол накрывать, отмечать такое дело, как следует. Будем с Трошей «горько» кричать, чтобы вам жилось сладко, как нам с Марьной Васильевной. Ясно теперь по какому поводу огонек Марьянки расцвел. Радость в семье почувал. Вон и Трошка вертится четвёртым, за компанию. Рад усатый таким гостям. Жаль, только пятой с нами не будем за столом.

Макаров на секунду поник, но тут же тряхнул головой, точно сбросил грусть.

Люба потянулась, чтобы обнять и деда, и мужа, споткнулась о рюкзак, он упал и с разъехавшейся змейки на пол покатались пёстрые яблоки. Она наклонилась подняла несколько, вдохнула их густой запах, протянула деду, коснулась живота:

- А вот и не угадал, дедовский. Как раз пятая вместе с нами за столом будет. Знакомься, дедуля, Марьяша младшая приехала с нами.

Макаров медленно перевел взгляд с жёлто-красных яблок на руку Любы, нежно гладившую живот, взволнованно сглотнул, вдохнул аромат хвои и сада, и на сердце его стало светло и чудесно.

За окном послышался звук спешащего колокольчика, похожий на смех его Марьянки.